

И.Г. Дубровская

Тушин

Персонаж романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», артиллерийский офицер, штабс-капитан. Он встретился князю Андрею накануне Шенграбенского сражения в палатке маркитанта. Сопровождающий князя штаб-офицер упрекает сидящих за отлучку и обращается к Тушину, «маленькому, грязному, худому артиллерийскому офицеру, который без сапог (он отдал их сушить маркитанту), в одних чулках, встал перед вошедшими, улыбаясь не совсем естественно». «Ну, как вам, капитан Тушин, не стыдно? — продолжал штаб-офицер, — вам бы, кажется, как артиллеристу, надо пример показывать, а вы без сапог. Забьют тревогу, а вы без сапог очень хороши будете. (Штаб-офицер улыбнулся.) Извольте отправляться к своим местам, господа...» Вид капитана Тушина заставил князя Андрея невольно улыбнуться. «Молча и улыбаясь, Тушин, переступая с босой ноги на ногу, вопросительно глядел большими умными и добрыми глазами то на князя Андрея, то на штаб-офицера. «“Солдаты говорят: разумшись ловчее”, — сказал капитан Тушин, улыбаясь и робея, видимо, желая из своего неловкого положения перейти в шуточный тон». Поняв, что шутка не вышла и не принята, Тушин окончательно смутился. Уезжая, князь Андрей еще раз взглянул на фигурку артиллериста. «В ней было что-то особенное, совершенно не военное, несколько комическое, но чрезвычайно привлекательное».

Объезжая позиции перед самым началом Шенграбенского сражения, князь Андрей увидел новый плетеный шалашик-балаган, из которого слышались оживленные офицерские голоса. Звук их поразил Болконского «таким задушевым тоном, что он невольно стал прислушиваться». «Нет, голубчик, — говорил приятный и как будто знакомый князю Андрею голос, — я говорю, что коли бы возможно было знать, что будет после смерти, тогда бы и смерти из нас никто не боялся. Так-то, голубчик!» Болконской прислушивается. «Боишься неизвестности, вот чего. Как там ни говори, что душа на небо пойдет... ведь это мы знаем, что неба нет, а есть атмосфера одна». Другой голос перебивает артиллериста и называет знакомую фамилию, Болконский узнает голос («“А, это тот самый капитан, который без сапог стоял у маркитанта”, — подумал князь Андрей, с удовольствием признавая приятный философствовавший голос»). Неожиданно свист ядра, которое «шлепнулось недалеко от балагана», обрывает разговор: «“Травничку можно, — сказал Тушин, — а все-таки будущую жизнь постигнуть...” — Он не договорил... Земля как будто ахнула от страшного удара». Князь Андрей видел, что «в то же мгновение из балагана выскочил прежде всех маленький Тушин с закушенной набок трубочкой; доброе, умное лицо его было несколько бледно». Началось Шенграбенское сражение.

Толстой считает войну «противным человеческому разуму и всей человеческой природе событием». Рисуя Шенграбенское сражение, он показывает, как война в защиту родины может содействовать проявлению самых лучших качеств людей. «Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову. Напротив, ему становилось все веселее и веселее. Ему казалось, что уже давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел, и что клочок поля, на котором он стоял, был ему давно знакомым, родственным местом». «В дыму, оглушаемый непрерывными выстрелами, заставлявшими его каждый раз вздрагивать, Тушин, не выпуская своей носогрейки, бегал от одного орудия к другому, то прицеливаясь, то считая заряды, то распоряжаясь переменной и перепряжкой убитых и раненых лошадей, и покрикивал своим слабым, тоненьким, нерешительным голоском. Лицо его все более и более оживлялось. Только

когда убивали или ранили людей, он морщился и, отворачиваясь от убитого, сердито кричал на людей, как всегда мешкавших поднять раненого или тело. Солдаты, большею частью красивые молодцы (как и всегда в батарейной роте, на две головы выше своего офицера и вдвое шире его), все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах».

Невзрачный, совсем «не военный», Тушин своей храбростью и сметливостью решает исход Шенграбенского сражения. «Никто не приказывал Тушину, куда и чем стрелять, и он, посоветовавшись со своим фельдфебелем Захарченком, к которому имел большое уважение, решил, что хорошо было бы зажечь деревню». Тушин не теряет в самых сложных обстоятельствах. «Про батарею Тушина было забыто, и только в самом конце дела, продолжая слышать канонаду в центре, князь Багратион послал туда дежурного штаб-офицера и потом князя Андрея, чтобы велеть батарее отступить как можно скорее. Прикрытие, стоявшее подле пушек Тушина, ушло по чьему-то приказанию в середине дела; но батарея продолжала стрелять и не была взята французами только потому, что неприятель не мог предположить дерзости стрельбы четырех никем не защищенных пушек. Напротив, по энергичному действию этой батареи он предполагал, что здесь, в центре, сосредоточены главные силы русских, и два раза пытался атаковать этот пункт, и оба раза был прогоняем картечными выстрелами одиноко стоящих на этом возвышении четырех пушек». «В центре действия забытой батареи Тушина, успевшего зажечь Шенграбен, останавливали движение французов. Французы тушили пожар, разносимый ветром, и давали время отступить». «Все орудия без приказа били в направлении пожара. Как будто подгоняя, подкрикивали солдаты к каждому выстрелу: “Ловко! Вот так-так! Ишь ты... Важно!” Пожар, разносимый ветром, быстро распространялся. Французские колонны, выступившие за деревню, ушли назад, но, как бы в наказание за эту неудачу, неприятель выставил правее деревни десять орудий и стал бить из них по Тушину».

Бой захватывает его. «Несмотря на то, что он все помнил, все соображал, все делал, что мог делать самый лучший офицер в его положении, он находился в состоянии, похожем на лихорадочный бред или на состояние пьяного человека». Гул боя, дым, кровь, грохот разрывов приводят к тому, что у Тушина «в голове установился свой фантастический мир, который составлял его наслаждение в эту минуту. Неприятельские пушки в его воображении были не пушки, а трубки, из которых редкими клубами выпускал дым невидимый курильщик». Тушин, «маленький человек, с слабыми, неловкими движениями», требовал у денщика трубочку, рассыпал из нее огонь, «выбегал вперед и из-под маленькой ручки смотрел на французов». Он «представлялся себе огромного роста, мощным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра». Тушин мужественно выполнил свое военное «дело», его батарея не была взята неприятелем; только получив приказ отступить, Тушин оставил позицию, увозя под огнем два уцелевших орудия.

Картина сражения, в котором участвовал Тушин, дополняется сценами ранений, увечий, смерти, «беспорядка и бестолковщины». В суতোлке отступления раненых было велено бросать. Раненный в руку юнкер Николай Ростов не мог идти, просился сесть на орудия, но везде получал отказ. Тушин приказал посадить раненого на пушку Матвею. «Посадите, посадите, – сказал Тушин. – Подложи шинель, ты, дядя, – обратился он к своему любимому солдату». Тушин послал отыскивать перевязочный пункт или лекаря для раненого. Сидя у огня, Ростов в лихорадочном бреду боли «то закрывал глаза, то взглядывал на огонь, казавшийся ему горячо-красным, то на сутуловатую фигурку Тушина, по-турецки сидевшего подле него. Большие добрые и умные глаза Тушина с сочувствием и состраданием устремились на него. Он видел, что Тушин всею душой хотел и ничем не мог помочь ему». «Худому, бледному солдату с шеей, обвязанной окровавленной подверткой», Тушин велел дать воды. Излюбленным словечком капитана

Тушин было «голубчик»: так он выражал сочувствие раненому Ростову, так обращался к князю Андрею, к офицерам, к фейерверкеру, который передает ему приказ идти к генералу.

В присутствии начальства Тушин неловок, стеснителен: «На пороге показался Тушин, робко пробиравшийся из-за спин генералов. Обходя генералов в тесной избе, сконфуженный, как всегда, при виде начальства, Тушин не рассмотрел древка знамени и споткнулся на него. Несколько голосов засмеялись». Вопрос Багратиона, каким образом оставлено оружие, повергает Тушина в трепет. «Тушину теперь только, при виде грозного начальства, во всем ужасе представилась его вина и позор в том, что он, оставшись жив, потерял два орудия. Он так был взволнован, что до сей минуты не успел подумать об этом. Смех офицеров еще больше сбил его с толку. Он стоял перед Багратионом с дрожащею нижней челюстью и едва проговорил: “Не знаю... ваше сиятельство... людей не было, ваше сиятельство”». О том, что не было прикрытия, Тушин сказать не мог. «Он боялся подвести этим другого начальника и молча, остановившимися глазами, смотрел прямо в лицо Багратиону, как смотрит сбившийся ученик в глаза экзаменатору». Князь Андрей, обращаясь к Багратиону, прерывает молчание: «...Вы меня изволили послать к батарее капитана Тушина. Я был там и нашел две трети людей и лошадей перебитыми, два орудия исковерканными и прикрытия никакого». Вывод Болконского таков: «...Успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина с его ротой...» Тушин благодарит Болконского: «Вот спасибо, выручил, голубчик». После этого князь Андрей «оглянул Тушина и, ничего не сказав, отошел от него. Князю Андрею было грустно и тяжело. Все это было так странно, так непохоже на то, чего он надеялся...»

После Фридландского сражения Николай Ростов, приехавший в госпиталь навестить раненого Денисова, неожиданно видит Тушина: «Первое лицо, встретившееся Ростову в офицерских палатах, был маленький, худой человек без руки в колпаке и больничном халате, с закушенной трубкой ходивший в первой комнате». Тушин напоминает Ростову, где они встретились: «Вот где Бог привел свидеться, – сказал маленький человек. – Тушин, Тушин — помните, доvez вас под Шенграбеном? А мне кусочек отрезали, вот... – сказал он, улыбаясь и указывая на пустой рукав халата».